

Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура)

Резюме. Статья посвящена открытию новой культуры бронзового века, которая в XVIII–XIV вв. до н. э. охватывала огромную территорию в центре Азии — от Монгольского Алтая на западе до озера Хубсугул на востоке и от Саян на севере до Хангая на юге. Первые памятники этой культуры были обнаружены А. А. Ковалёвым в Мунх-Хайрхан сомоне Ховд аймака Монголии. Погребальные сооружения этой культуры внешне представляют собой совершенно плоские каменные курганы, насыпь которых имеет круглую или квадратную форму и сформирована из одного слоя камня. Погребения осуществлялись в небольших овальных земляных ямах, погребенные были уложены на левый бок в сильно скорченном положении, головой на северо-восток. Яма заполнялась каменными глыбами, образовывавшими подобие свода. Рядовые курганы имеют в поперечнике 2–5 м, однако исследован такой же по конструкции курган диаметром 30 м — Галбагийн удзуур 1. Обнаруженные в погребениях бронзовые ножи имеют аналогии в памятниках ранней андроновской культуры (синташта-петровка), а также кротовской культуры Новосибирского Приобья и культуры Цицзя в Китае. В погребениях найдены также четыре бронзовых шила, уникальные костяные и перламутровые украшения, костяные наконечники стрел. Мунх-хайрханская культура занимала территории между ареалом распространения сейминско-турбинской и андроновской культур и культур Северного и Западного Китая, представляя собой мост, посредством которого осуществлялось культурное влияние населения Западной Сибири на цивилизацию Древнего Китая в 1-й половине II тыс. до н. э.

Ключевые слова: мунх-хайрханская культура, бронзовый век, Центральная Евразия, сейминско-турбинский феномен, андроновская культура, кротовская культура, археоастрономия.

Kovalev A. A., Erdenebaatar D. Discovery of a new Late Bronze Age culture in Central Eurasia (Munkh-khairkhan culture).

The article is devoted to the discovery of a new Bronze Age culture, which occupied a tremendous territory in the centre of Asia from Mongolian Altai in the west to the Khovsgol lake in the east, and from Sayan mountains in the north to Khangai mountains in the south. It is dated to a period between the 18th and 14th century BC. Monuments of this culture were discovered for the first time by A. A. Kovalev in Munkh-khairkhan sum of Khovd aimag of Mongolia. The barrows of this culture look like flat stone cairns of round or rectangular shape and consist of one layer of stones. Burials were placed in small pits of oval shape, the deceased laid strongly flexed on the left side, with the head directed to the north-east. Pits were filled with boulders, which formed a kind of a vault. Ordinary mounds are usually 2 to 5 m in diameter, except one barrow of the same construction that reached 30 m in diameter (Galbagaia Uzuur-1). Burials of Munkh-Khairkhan culture yielded bronze knives which find analogies among the artifacts of the Early Andronovo (Sintashta-Petrovka stage) and of Krotovo cultures, as well as in the Qijia culture of North-West China. In addition, four bronze awls, unique ornaments made of bone and mother-of-pearl, and bone arrowheads were found in the burials. The Munkh-Khairkhan culture was geographically intermediate between the Seima-Turbino and Andronovo areas, on one hand, and cultures of Northern and Western China, on the other. It appears to have served as a «bridge» through which the cultural impulses from Western Siberia spread to Early China in the first half of the II millennium BC.

Keywords: Munkh-khairkhan culture, Bronze Age, Central Eurasia, Seima-Turbino phenomenon, Andronovo culture, Krotovo culture, archaeoastronomy.

Территории Монголии, Горного Алтая и Тувы в период «развитой бронзы» (условно первая половина — середина II тыс. до н. э.) вплоть до последних лет оставались обширной лакуной на археологической карте Евразии. К западу от Алтая и к северу от Саян — в России и Казахстане — исследованы многочисленные курганы и поселения, относящиеся к андроновской культурной общности, андроновские памятники во множестве выявлены в Синьцзяне — как на Тянь-Шане, так и в Джунгарии; к первым векам II тыс. до н. э. относится большинство находок сейминско-турбинских бронз на территории Степного Алтая, что указывает на присутствие здесь в это время носителей сейминско-турбинского культурного феномена; севернее в Западной Сибири период развитой бронзы представлен кротовской и самусьской культурами. XVIII–XVII вв. до н. э. — время сложения китайской цивилизации бронзового века, начало периода Эрлитоу; именно в это время на территорию Центральной Равнины проникают сейминско-турбинские традиции, что на следующем этапе приводит к формированию в иньском комплексе ведущих форм бронзовых лезвийных орудий, включая кельты и копья со «слепой втулкой» (Ковалев 2002). Весьма вероятно, что именно через Алтай, Хангай и пустыню Гоби осуществлялись дальние контакты населения Западной Сибири и земледельческого Китая. Тем более актуальной становится задача прояснения культурной ситуации первой половины II тыс. до н. э. в этом обширном регионе.

Работами Международной Центральноазиатской археологической экспедиции 2003–2007 гг. была открыта новая, своеобразная культура первой половины II тыс. до н. э., которая по первому известному местонахождению получила название **мунх-хайрханская культура**. Памятники этой культуры выявлены на обширной территории от восточных склонов Монгольского Алтая на западе до Хубсугула на востоке (Ковалев, Эрдэнэбаатар 2007; 2010a; Kovalev, Erdenebaatar 2008; Кэвалёфу, Эрдэнебатаэр 2010). Некоторые данные (см. ниже) позволяют предположить, что в ареал этой культуры входили также Тува и Горный Алтай (рис. 1).

Пока известны только погребальные памятники, отличительными признаками которых является наличие совершенно плоской насыпи, круглой или квадратной в плане формы, выложенной, как правило, из одного слоя камня, погребения в небольших подовальных в плане ямах в сильно скорченном положении на левом боку или с завалом на правый бок головой на северо-восток, закладка могильной ямы камнями, образующими подобие «свода» над погребенным.

Первые мунх-хайрханские памятники были обнаружены А. А. Ковалёвым в 2003 г. в Мунх-Хайрхан сомоне Ховд аймака, в среднем течении реки Дунд-Цэнхэр-гол. Четыре из них были полностью исследованы: три одиночных кургана (Улаан говийн удзуур 1/1, Хотуу даваа 1/1, Артуа 1) и комплекс Улаан говийн удзуур 2, представляющий собой погребальный курган с двумя сопроводительными насыпями диаметром около 1 м. Еще три кургана того же типа обнаружены в ходе разведки севернее центра сомона; в 2012 г. два мунх-хайрханских кургана были зафиксированы Ч. Мунхбаяром и А. А. Ковалёвым в 200 км севернее, в Ховд сомоне. Результаты раскопок 2003 г. дают представление о конструкции погребальных сооружений и погребальном обряде населения западной части мунх-хайрханского ареала. Судя по данным

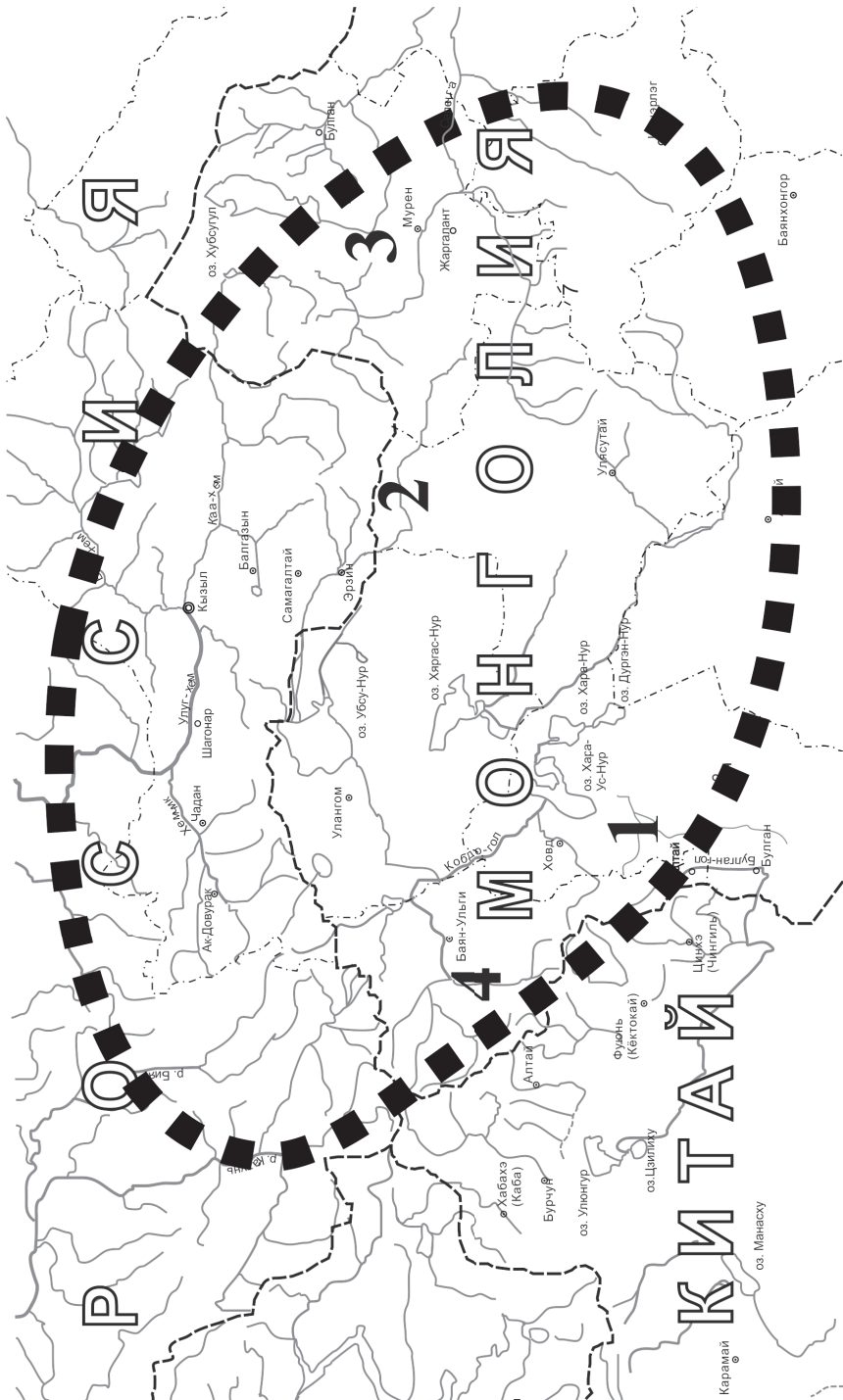

Рис. 1. Предполагаемая территория распространения мунк-хайрханской культуры. Цифрами обозначено местоположение памятников, исследованных Международной Центральноазиатской археологической экспедицией. 1 — Мунк-Хайрхан сомон; 2 — Баян-Тэс сомон; 3 — Бурэнтотгох и Арбулаг сомоны; 4 — Цэнгэл сомон.

Fig. 1. Presumed area of the Munkh-khairkhan culture. Numerals indicate the location of sites studied by the International Central Asian Archaeological Expedition. 1 — Munkh-khairkhan sum; 2 — Bayan-tes sum; 3 — Burentotokh and Arbulag sums; 4 — Tsengel sum.

радиоуглеродного датирования (табл. 1), исследованные нами в Ховд аймаке курганы в то же время могут представлять ранний этап развития культуры.

Таблица 1

Радиоуглеродные даты памятников мунх-хайрханской культуры
(получены в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (Le)
и в Киевской радиоуглеродной лаборатории (Ki),
калибровка произведена в соответствии с программой OxCal v3.9)

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2 %), ВС	Интервал калиброванного возраста (95,4 %), ВС
Улаан говийн удзуур 1/1, могила	Le-6941	Кость человека	3310 ± 90	1730–1720 1700–1490	1880–1840 1780–1410
Улаан говийн узуур 2/1, могила	Le-6936	Кость человека	3150 ± 70	1510–1370 1340–1310	1610–1260
Хотуу даваа 1/1, могила	Le-6935	Кость человека	3270 ± 60	1620–1490 1480–1430	1690–1430
Артуа, могила	Le-6934	Кость человека	3480 ± 90	1920–1680	2040–1600 1580–1530
Галбагийн удзуур 1/2	Le-8058	Кость человека	3010 ± 80	1390–1120	1430–1000
Галбагийн удзуур 1/1	Ki-15528	Кость человека	3580 ± 70	2030–1870	2140–1740
Цагаан уушиг 3	Ki-15525	Кость человека	3520 ± 70	1930–1740	2040–1680
Хух хушооны бом 1/1	Le-8048	Кость человека	3140 ± 70	1513–1510 1500–1371 1357–1351 1340–1317	1600–1564 1529–1256 1241–1213
Хух хушооны бом 1/3	Le-8051	Кость человека	3080 ± 80	1440–1250 1240–1210	1520–1110
Хух хушооны бом 4/1	Ki-15527	Кость человека	3200 ± 60	1520–1410	1630–1370

Остатки скелетов взрослых людей обнаружены в четырех из шести исследованных сооружений (кроме сопроводительных курганчиков Улаан говийн удзуур 2/2, 2/3, в которых не прослеживалось никаких ям). Эти курганы, как и памятники, обнаруженные в ходе разведки, внешне представляют собой дисковидные насыпи диаметром 2–3 м, аккуратно сложенные из валунов или уплощенных каменных обломков в один слой (рис. 2). Крепида, как правило, не выделена. Под центром насыпи расположена подовальная в плане могильная яма размерами до 1,2 × 0,7 м, глубиной до 0,8 м, ориентированная длинной осью примерно по линии юго-запад — северо-восток. Погребенный укладывался на дно ямы головой в северо-восточном направлении.

Рис. 2. Курган Улаан говийн удзуур 1/1. Вид с юго-востока.

Fig. 2. Ulaan gobiin uzuur 1/1 barrow. View from the south-east.

В единственном из исследованных погребений, которое сохранилось не потревоженным — в кургане Улаан говийн удзуур 1/1 (рис. 3, 4) — погребенный был уложен вплотную к северо-западной стенке ямы в сильно скорченном положении на левый бок, стопы подведены к тазу, левое предплечье прижато к плечу, кисть лежит на плечевом суставе, правая рука согнута в локтевом суставе под прямым углом, так что кисть правой руки оказывается на локтевом суставе левой руки. На правый бок погребенного было уложено бронзовое шило с сохранившейся деревянной рукояткой (рис. 16: 1); бронзовый нож с деревянной рукояткой вместе с несколькими деревянными предметами (палочками для еды?) (рис. 16: 10) лежал за тазовыми костями. Перед коленями погребенного на дно ямы был уложен костяной черпак, составленный из двух частей (рис. 16: 10). В погребении кургана Улаан говийн удзуур 2/1 *in situ* сохранились кости головы и ног, расположение которых аналогично вышеописанному. Сохранившиеся *in situ* кости погребенного в кургане Артуя 1 (кости головы, левой руки, ног, таза, ног, позвонки поясничного отдела) показывают, что он был уложен, скорее всего, на спину с заваленными на левую сторону ногами. Ноги погребенного были согнуты в тазобедренных суставах под прямым углом, стопы подведены к тазу. При этом расположение костей ног и таза показывает, что таз был уложен на тыльную сторону. Сохранившаяся нижняя

Рис. 3. Курган Улаан говийн удзуур 1/1. Погребение.

Fig. 3. Ulaan gobiin uzuur 1/1 barrow. Burial.

часть позвоночного столба также лежала на тыльной стороне. Череп и нижняя челюсть лежали на тыльной стороне и несколько завалились влево. Кости плеча и предплечья левой руки уложены аналогично погребению в кургане Улаан говийн удзуур 1/1.

После устройства погребения могильная яма аккуратно закладывалась камнями, образуя подобие «свода» на погребенным. Этот прием хорошо прослеживается в кургане Улаан говийн узур 1/1, где в ногах погребенного была установлена мощная плита, доходившая почти до верха ямы; в головах и по стенкам ямы были установлены уплощенные глыбы, ныне завалившиеся к центру; на них плашмя укладывались такие же глыбы, часть из которых затем провалилась вниз, в яме прослежены два слоя такой закладки (рис. 5: 1). В кургане Улаан говийн удзуур 2/1 зафиксированы четыре уплощенных камня, установленных на ребро вдоль стенок ямы, еще одна такая плита была поставлена в головах погребенного (рис. 5: 3). В кургане Артуа 1 также выявлены три поставленных на ребро вдоль стенок ямы уплощенных камней, в остальном каменный заклад разрушен грабителями (рис. 5: 2). В кургане Хотуу даваа 1/1, где погребение было почти полностью разрушено, *in situ* сохранился только один вертикальный плитообразный камень, поставленный у северо-западной стенки ямы.

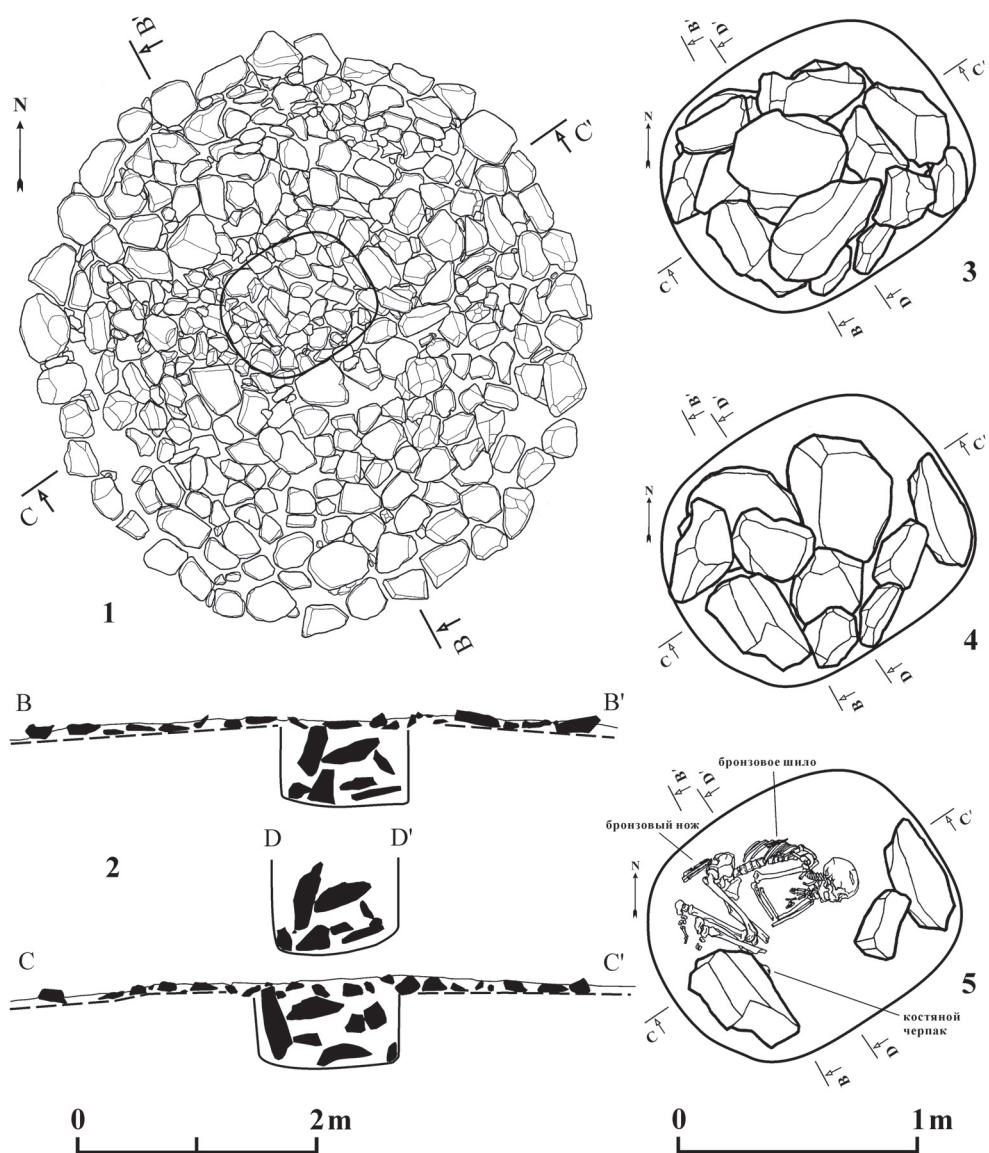

Рис. 4. Курган Улаан говийн уззуур 1/1. 1 — общий план; 2 — разрезы; 3–5 — планы могильной ямы на последовательных уровнях зачистки.

Fig. 4. Ulaan gobiin uzuur 1/1 barrow. 1 — plan; 2 — profiles; 3–5 — plans of the burial pit on different levels.

Рис. 5. Заполнение могильных ям. 1 — Улаан говийн удзуур 1/1; 2 — Артуа 1; 3 — Улаан говийн удзуур 2/1; 4 — Галбагийн удзуур 1/1.

Fig. 5. Fill of burial pits. 1 — Ulaan goviin uzuur 1/1; 2 — Artua 1; 3 — Ulaan goviin uzuur 2/1; 4 — Galbagiin uzuur 1/1.

Радиоуглеродные даты, полученные по костям погребенных в исследованных в Ховд аймаке курганах, относят период их сооружения приблизительно к XVIII–XVI вв. до н. э. (табл. 1).

В 2004 году Д. Эрдэнэбаатаром был обнаружен и отнесен к мунх-хайрханской культуре погребально-ритуальный комплекс Галбагийн удзуур, находящийся на территории Арбулаг сомона Хубсугульского аймака. Раскопки, проведенные здесь нашей экспедицией в 2006 г., подтвердили это предположение. В ходе работ 2006 и 2014 г. на соседствующих землях Бурэнтогтох сомона были выявлены еще как минимум три мунх-хайрханских кургана.

Погребально-ритуальный комплекс Галбагийн удзуур 1 располагался на южном склоне (уклон 30 %) небольшой сопки, открытом на широкую долину, спускающуюся к реке Дэлгэр-Мурэн (рис. 6). Видимость комплекса с юга составляет не менее 10 км. В комплекс входили два погребальных кургана и три ритуальных сооружения.

Основное сооружение — курган Галбагийн удзуур 1/1 — представляло собой дисковидную насыпь диаметром 30 м, сложенную в один слой. Прослеживается

Рис. 6. Погребально-ритуальный комплекс Галбагийн удзуур 1. Вид с юга.

Fig. 6. Burial and ritual complex Galbagiin uzuur 1. View from the south.

крепида из более крупного камня (рис. 7). Насыпь представляет собой мозаику, выложенную из розового гранита и черного сланца. На полевых чертежах зафиксирована информация обо всех камнях кладки, в представленном в настоящей публикации рисунке отдельные черные камни, оказавшиеся на периферии «красной» стороны диска, не показаны (рис. 8). Южная периферия кладки выложена гранитом с дополнением камней различных пород, которые, тем не менее, хорошо отделяются от черного массива. Несмотря на разрушения в связи с ограблением погребения и эрозией, контуры мозаики достаточно хорошо сохранились. В целом черный камень занимает западную половину диска, розовый — восточную. От основного черного массива в восточную сторону протянулось четыре вихреобразных выступа длиной до 10 м. Три из них, к северу от центра, направлены по часовой стрелке, четвертый (наиболее широкий), к югу от центра, — против часовой стрелки. Таким образом, могила оказывается охваченной северными и южным «завихрениями», которые окружают ее наподобие лапы хищной птицы, «забирающей» погребенного в сторону захода солнца. Возможно, именно этот смысл вкладывали в изображение его создатели.

Находящаяся в центре сооружения могильная яма (рис. 5: 4) была обложена по краям крупными плитами, размерами в плане до 2 × 2 м. С западной, южной и северной сторон плиты, несмотря на эрозию, в основном сохранили свое первоначальное положение, плиты восточной стороны обкладки были

Рис. 7. Курган Галбагийн удзуур 1/1. Вид с юга.

Fig. 7. Galbagiin uzuur 1/1 barrow. View from the south.

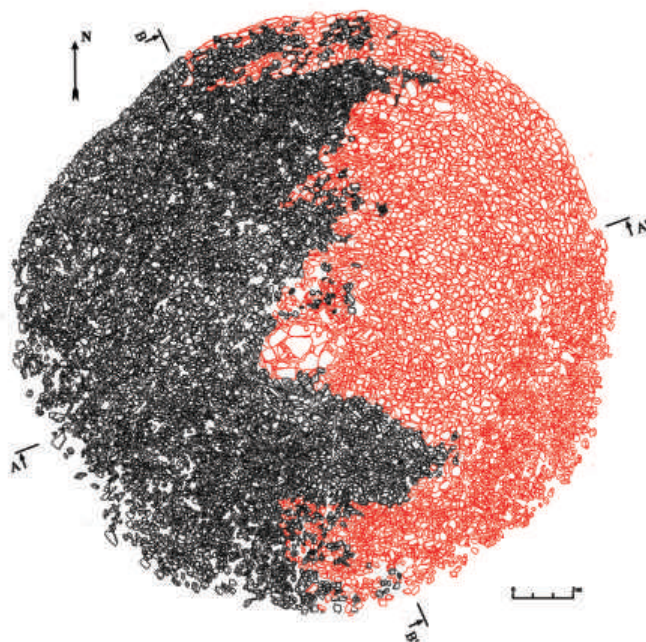

Рис. 8. Курган Галбагийн удзуур 1/1. Общий план. Мозаика из красного и черного камня.

Fig. 8. Galbagiin uzuur 1/1 barrow. Plan with mosaic from red and black stones.

завалены в яму после ограбления. Грабительский ход, впущенный в яму с востока, разрушил всю восточную часть ямы, однако по сохранившимся с запада частям стенок можно заключить, что яма имела традиционную подовальную форму и характерные небольшие размеры — около 1,3 м в ширину, около 1,5 м в глубину, ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток. В западной части яма сохранила и первоначальное заполнение крупными каменными блоками. На дне ямы обнаружены в сочленениях кости голени взрослого человека, которые, видимо, были перемещены со своего первоначального положения до полного разложения трупа.

К юго-востоку от вышеописанного сооружения располагается курган 2, внешне представляющий квадратную выкладку в один слой камня размерами в плане 6 × 6 м (рис. 6). Насыпь, как и в кургане 1, выложена из черного и красного камня, причем черный камень также занимает западную половину «мозаики». В северной части насыпи находится могильная яма подовальной формы, шириной 1,3 м, длиной около 1,8 м (восточная часть разрушена грабителями), глубиной около 0,6 м, ориентированная длинной осью по линии юго-запад — северо-восток. Заполнение ямы не сохранилось. Вплотную к стенкам ямы с западной и северо-западной сторон на левом боку скорченно головой на северо-восток было уложено тело погребенного. *In situ* сохранились кости ног, таза, позвоночника, правой руки и левого предплечья. Стопы подведены к тазу, правая рука вдоль правого бока протянута к паху, левая согнута в локтевом суставе, кисть ее уложена на правое предплечье. Около левого колена погребенного были обнаружены бронзовый нож и шило (рис. 16: 2, 11).

Входящие в комплекс ритуальные сооружения (см. рис. 6) представляют собой прямоугольную каменную выкладку размерами 1 × 2 м, вытянутую длинной осью по линии север — юг, ориентированную в широтном направлении прямоугольную каменную платформу размерами 1,5 × 3 м с сохранившимися окружающими стелами наподобие платформы из комплекса Хух хушооны бом 1 (см. ниже), а также ряд из трех небольших стел, установленный по линии север — юг.

Гигантское мозаичное панно кургана Галбагийн удзуур 1/1, по всей видимости, не является уникальным. В 2004 г. А. А. Ковалёвым и А. В. Вареновым подобная насыпь диаметром 43 м, выложенная из черного и белого камня, была обнаружена в Цэнгэл сомоне Баян-Ульги аймака. С 2013 г. наша экспедиция проводит здесь раскопки широкой площадью для выявления и фиксации всех сооружений, входящих в комплекс.

Два одиночных кургана, исследованных в Хубсугульском аймаке в 2006 г. (Цагаан уушиг 2, 3), имели квадратную в плане насыпь размерами, соответственно, 3 × 3 и 6 × 6 м, сложенную из одного слоя камней (рис. 9, 10). В центре находилась могильная яма, по форме и размерам аналогичная исследованным в Ховде. Яма в кургане Цагаан уушиг 2 была сильно разрушена грабителями, в кургане Цагаан уушиг 3 — норой сурка-тарбагана, однако по большому количеству каменных глыб в их заполнении можно предположить, что они имели каменный заклад, аналогичный вышеописанному. По периметру могильной ямы кургана Цагаан уушиг 2 в насыпи уложены широкие каменные плитки.

Рис. 9. Курган Цагаан уушиг 3. Вид с северо-запада.

Fig. 9. Tsagaan uushig 3 barrow. View from the north-west.

Еще один одиночный курган, относящийся к той же культуре, был осмотрен нами неподалеку в 2014 г. Его насыпь диаметром около 5 м имеет дисковидную форму, сложена из камней в один слой без выраженной крепиды. Памятник разрушен современными грабителями, пробившими траншею в его центральной части. В грабительском раскопе прослеживаются стенки заполненной камнями могильной ямы овальной в плане формы, размерами в плане около $1 \times 0,7$ м, глубиной около 0,8 м. Периметр ямы выложен каменными плитками. В могильной яме кургана Цагаан уушиг 2 найден обломок челюсти взрослого человека со следами окислов бронзы, в кургане Цагаан уушиг 3 — кости скелета подростка, перемещенные из ямы тарбаганом.

В 2007 г нами были открыты и исследованы памятники мунх-хайрханской культуры в Баян-Тэс сомоне Завханского аймака, включая погребально-ритуальный комплекс Хух хушооны бом и одиночные курганы Бага хяса и Хух хушооны бом 4/1. Все исследованные памятники, а также еще несколько подобных насыпей, выявленных в ходе разведки, располагались на открытых южных и юго-западных склонах.

Насыпи пяти исследованных курганов плоские, сложены в один-два слоя камня, имеют выраженную крепиду (рис. 11, 12), одна из насыпей (Хух хушооны бом 1/1), размерами 5×5 м, имеет подтрапециевидную форму, остальные —

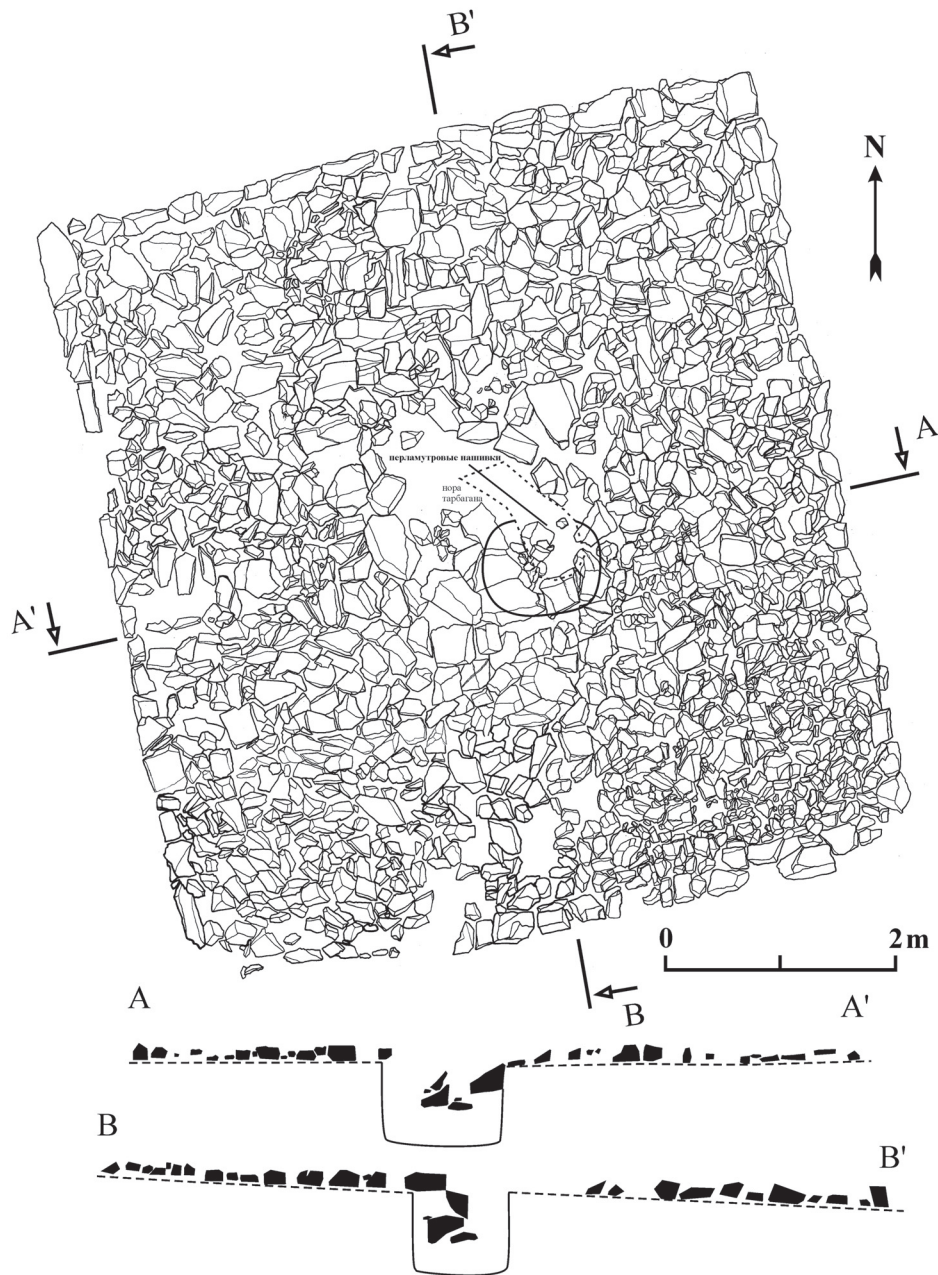

Рис. 10. Курган Цагаан уушиг 3. Общий план, разрезы.

Fig. 10. Tsagaan uushig 3 barrow. Plan, profiles.

округлые. По углам насыпи кургана Хух хушооны бом 1/1 установлены невысокие столбообразные стелы (рис. 12). Размеры насыпей колеблются от 3 до 7 (Хух хушооны бом 4/1) м. Размеры могильных ям не превышают $1,3 \times 0,9$ м в плане и 0,8 м в глубину. Форма и ориентация могильных ям аналогична вышеописанным. Ямы заполнены относительно крупными камнями, восстановить первоначальное положение которых, к сожалению, не удастся в связи с тотальным ограблением. Единственная могила, в которой удалось зафиксировать непо потревоженные кости погребенного — в кургане Хух хушооны бом 1/1 (рис. 17: 1) — показывает, что погребенный был уложен приваленным к северо-западной стенке ямы, в сильно скорченном (судя по размерам ямы) положении. Сохранившиеся *in situ* позвонки поясничного отдела лежали на тыльной стороне, таз сильно развернут вправо. От груди погребенного спускалась гривна, составленная из костяных секций.

Погребально-ритуальный комплекс Хух хушооны 1 расположен на открытом юго-западном склоне небольшой сопки, на правом берегу реки Тэсийн-гол (Тес-Хем), видимость его с запада составляет не менее 5 км (рис. 12). В комплекс входят три погребальных кургана (1/1–1/3), занимающие его южную часть, и четыре ритуальных конструкции (1/4–1/7), расположенные к северу. В прямоугольной каменной выкладке 7 размерами в плане $0,8 \times 1,5$ м по линии север — юг установлены две небольшие стелы.

Особое внимание обращает ритуальная конструкция 1/4, в которой прослеживается система астрономически и композиционно значимых направлений (рис. 13, 14). Основу этого сооружения составляют 12 стел высотой до 0,7 м, расположенные по окружности диаметром 4,3 м. По оси, отклоняющейся примерно на 10° к северо-востоку от истинного северного направления, окружность разделена стелами на две полуокружности. Восточная полуокружность (по ней установлено 9 стел) разделяется, в свою очередь, на две равные дуги по 90° . Северо-восточная дуга разделена стелами на практически равные отрезки по $22\text{--}23^\circ$ (одна из стел смещена со своего первоначального положения); юго-восточная дуга также разделена на четыре части, однако не столь равномерно (вероятно, это связано с одним из астрономических направлений, см. ниже). С западной стороны по окружности установлены три стелы. Азимут, взятый с южной из этих стел через центр окружности, выходит на северную стелу восточной полуокружности и совпадает с астрономическим севером. Линия, проведенная от северной дополнительной стелы через центр окружности, выходит на одну из стел юго-восточной дуги. Эта линия отклоняется от астрономического севера примерно на 130° по часовой стрелке, что совпадает с точкой восхода солнца в день зимнего солнцестояния на данной широте; соответственно, обратное направление дает нам точку захода солнца во время летнего солнцестояния. Линия, проведенная от третьей из стел вдоль края внутреннего «сегмента» (см. ниже), выходит на одну из стел юго-восточной полуокружности, затем на отдельно стоящую стелу за пределами конструкции, отклоняясь от астрономического востока на 5° . Это очевидно не случайное направление пока невозможно интерпретировать (восход солнца в определенный день?).

Внутри окружности, с юга от ее центра, расположена каменная выкладка в форме сегмента круга, несколько большего, чем полукруг. Центр круга находится примерно на линии диаметра окружности, разделяющей ее на

Рис. 11. Курган Хух хушооны бом 4/1. Вид с юго-запада.

Fig. 11. Khukh khushoony bom 1/4 barrow. View from the south-west.

Рис. 12. Погребально-ритуальный комплекс Хух хушооны бом 1. Вид центральной части с запада.

Fig. 12. Burial and ritual complex Khukh khushoony bom 1. View of the central part from the west.

Рис. 13. Ритуальная конструкция Хух хушооны бом 1/4. Вид с северо-запада.

Fig. 13. Ritual construction Khukh khushoony bom 1/4. View from the north-west.

равные западную и восточную части, диаметр круга составляет примерно 2 м, что почти в два раза менее диаметра окружности. Таким образом, дугообразный край «сегмента» расположен по касательной к окружности в точке, маркированной южной стелой восточной полуокружности. Северный, прямой край «сегмента», как уже говорилось, выведен на линию между двумя стелами окружности и вынесенной на восток отдельной стелой.

Ритуальная конструкция 1/5 (рис. 15: 2) представляет собой заложенный камнем в один слой прямоугольник размерами в плане 3×1 м, ориентированный длинной осью по линии север — юг. Эта платформа вписана в таким же образом ориентированный прямоугольник размерами около $3 \times 2,5$ м, образованный небольшими стелами. Западная стенка платформы примыкает к западной стенке внешнего прямоугольника. С южной стороны этого сооружения находится оградка поперечником около 2 м из поставленных на ребро каменных плиток, пространство между которыми заложено камнем. К северу от конструкции 1/5 находится подобное сооружение 1/6, раскопки которого не производились.

Архитектура ритуальной конструкции Хух хушооны бом 1/5, как и аналогичного сооружения Галбагийн удзуур 1/4 (см. выше) подобна архитектуре сооружений, сопровождающих (на территории Монголии) курганы монгун-тайгинской культуры (Ковалев, Эрдэнэбаатар 2010б: 105–107). Несмотря на огромное количество таких конструкций, прослеживаемых практически на каждом монгун-тайгинском

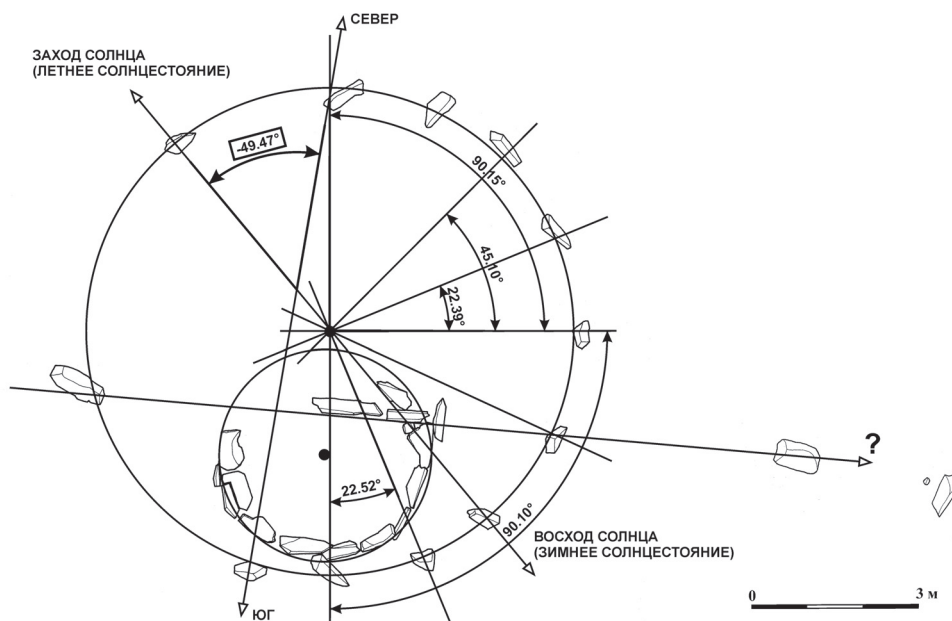

Рис. 14. Ритуальная конструкция Хух хушооны бом 1/4. Общий план с обозначением астрономически значимых направлений.

Fig. 14. Ritual construction Khukh khushoony bom 1/4. Plan with astronomically significant directions.

могильнике, раскапывались они только нашей экспедицией. Характерная оградка была исследована нами на могильнике Хух толгой в Мунх-Хайрхан сомоне (рис. 15: 1); она сопровождала два типичных для монгун-тайгинской культуры кургана с округлыми насыпями, выраженной крепидой и погребениями в узких ямах вытянуто на левом боку, головой на запад. Ритуальная конструкция представляла собой ориентированную строго в широтном направлении прямоугольную каменную платформу длиной 6, шириной 3 м, вписанную в прямоугольник, образованный отдельно стоящими стелами, площадью 8×5 м, примыкая к его южной стороне. С востока от этого сооружения находилась оградка из плит, поставленных на ребро, заложённая камнем внутри и снаружи.

Все известные нам монгун-тайгинские сооружения этого типа ориентированы в широтном направлении, мунх-хайрханские имеют различную ориентацию, в частности Хух хушооны бом 1/5 — меридиональную. В мунх-хайрханских памятниках мы не видим столь четких прямоугольных очертаний, как в монгун-тайгинских. Тем не менее, необходимо признать родство традиций этих сооружений. Кроме того, округлая конструкция Хух хушооны бом 1/4 сформирована по тому же принципу — платформа, вписанная в фигуру из вертикальных кам-

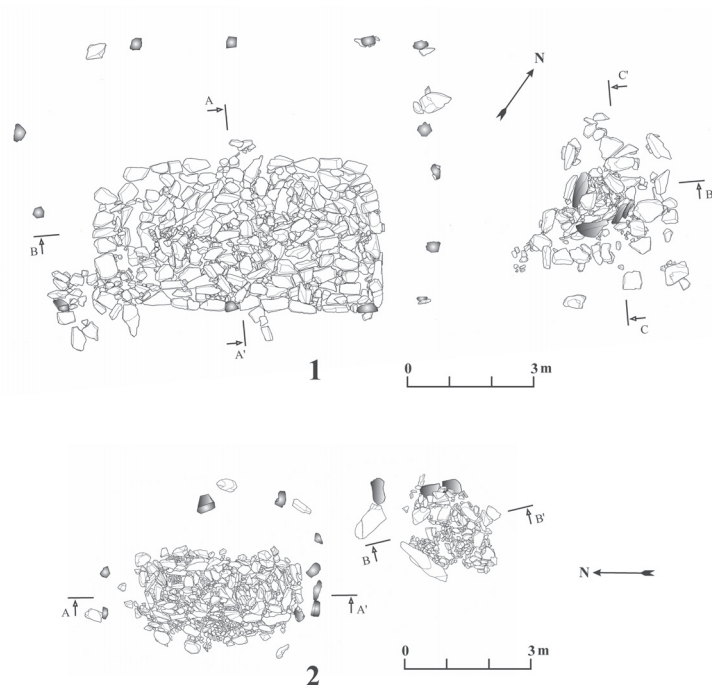

Рис. 15. Планы ритуальных конструкций. 1 — Хух толгой 1/4 (монгун-тайгинская культура); 2 — Хух хушооны бом 1/5 (мунх-хайрханская культура). Заливкой обозначены вертикально установленные камни.

Fig. 15. Plans of ritual constructions. 1 — Khukh tolgoi (Mongun-taiga culture); 2 — Khukh khushoony bom 1/5 (Munkh-khairkhan culture). Vertically standing stones are indicated by filling.

ней, примыкающую к ее периметру. Поскольку монгун-тайгинские памятники в целом позже мунх-хайрханских (Ковалев и др. 2008), казалось бы, можно предположить, что традиция ритуальных оградок монгун-тайгинской культуры берет свое начало в мунх-хайрханском контексте. С другой стороны, в памятниках мунх-хайрханской культуры, исследованных в Завханском аймаке, проявляются признаки, характерные для курганов финальной бронзы: устройство насыпи в два слоя камня (рис. 11), выраженная крепида, трапециевидная насыпь со стелами по углам (Ковалев, Эрдэнэбаатар 2007: 82–83; 2010б: 105–108). Во всяком случае, эти признаки указывают на продолжительный период сосуществования обеих культурных традиций.

Радиоуглеродные датировки, полученные по костям погребенных в мунх-хайрханских курганах Хубсугульского и Завханского аймаков (табл. 1), в целом имеют больший разброс, чем датировки памятников Ховда, причем завханские даты укладываются в XVI–XIII вв. до н. э. Возможно, что в Завхане мы исследовали памятники позднего этапа этой культуры, сосуществующего с ранним монгун-тайгинским населением и херексурами центрально-монгольского типа (Ковалев, Эрдэнэбаатар 2010а: 105–108).

Инвентарь мунх-хайрханских погребений не включает керамики. Из числа бронзовых изделий (данные о составе металла см. в табл. 2) обнаружены два так называемых «пластинчатых» бронзовых ножа без выделенного черешка, имеющих треугольное сечение по всей длине (Улаан говийн удзуур 1/1 и Галбагийн удзуур 1/2, рис. 16: 10, 9), а также четыре шила, из которых три имеют поперечное квадратное и продольное ромбическое сечение (рис. 16: 1, 3, 4), а четвертое, из кургана Галбагийн удзуур 1/2, представляет собой стержень прямоугольного сечения, заостренный на концах (рис. 16: 2). В разграбленном погребении кургана Хотуу даваа 1/1 обнаружен обломок бронзового предмета с имитацией «андроновского» конического раструба (рис. 16: 8). В могильной яме кургана Хух хушооны бом 4/1 найдены три уникальных цилиндро-конических наконечника стрел с расщепленным насадом, наибольший из которых имеет длину около 15 см (рис. 16: 5, 6, 7). Костяной (или роговой) черпак, входивший в инвентарь погребения в кургане Улаан говийн удзуур 1/1, составлен из двух частей — рукоятки с отверстием для подвешивания и чашечки (рис. 16: 9).

Таблица 2

Состав металла изделий мунх-хайрханской культуры
(определения отдела естественно-научных исследований
Государственного Эрмитажа, исследование проведено С. В. Хавриным)

Памятник	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Прочие
Галбагийн удзуур 1/ 2	Шило (платина)	Осн.	5–10	8–12	Сл.	–	Сл.	Bi
	Нож	Осн.	1–3	~1	–	–	?	
Хух хушооны бом 1/1	Шило	Осн.	–	1–3	<0,9	–	–	
Хух хушооны бом 4/1	Шило	Осн.	1–2	1–3	1-2	–	–	
Хотуу даваа 1/1	Наконечник булавки?	Осн.	Сл.	20–24	Сл.	?	Сл.	

В погребении кургана Хух хушооны бом 1/1 *in situ* были обнаружены отрезки спускающейся от груди погребенного гривны, составленной из однотипных костяных элементов (рис. 17, 18): 18 секций с правой стороны и 10 — с левой. Еще 29 секций, включая два треугольных изделия, были найдены в заполнении грабительского хода. Секции, за исключением двух треугольных, имеют форму параллелепипеда с одной закругленной стороной (внешняя сторона гривны) и сквозным отверстием в поперечной плоскости. От краев отверстия с обеих сторон идут по два желобка — к тыльной стороне гривны и к ее внутренней стороне. Треугольные элементы имеют те же особенности, отверстие у них в плане дугообразное. Имеющиеся данные о расположении элементов дают возможность заключить, что они были жестко соединены нитями, протянутыми через отверстия и пропускавшимися, соответственно, по тыльной и внутренней сторонам каждой секции. Этот прием не только обеспечивал

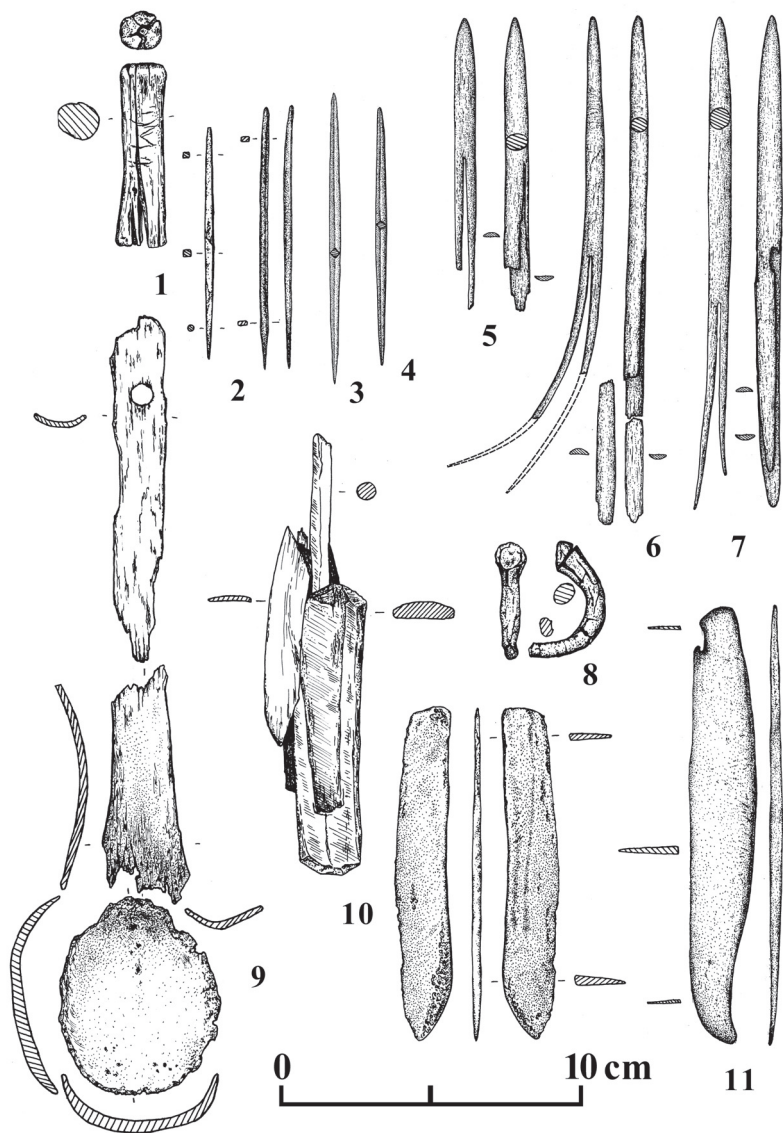

Рис. 16. Инвентарь погребений мунх-хайрханской культуры. 1, 9, 10 — Улаан говийн удзуур 1/1; 2, 11 — Галбагийн удзуур 1/2; 3, 5–7 — Хух хушооны бом 4/1; 4 — Хух хушооны бом 1/1; 8 — Хотуу даваа 1/1. 1, 10 — дерево, бронза; 5–7, 9 — кость; 2–4, 8, 11 — бронза.

Fig. 16. Burial goods of the Munkh-khairkhan culture. 1, 9, 10 — Ulaan govii uzuur 1/1; 2, 11 — Galbagiin uzuur 1/2; 3, 5–7 — Khukh khushoony bom 4/1; 4 — Khukh khushoony bom 1/1; 8 — Khotuu davaa 1/1. 1, 10 — wood, bronze; 5–7, 9 — bone; 2–4, 8, 11 — bronze.

жесткость крепления, но и давал возможность изгибать гривну, не распуская ее. Треугольные элементы, очевидно, соединяли вертикальные стороны гривны с горизонтальной поперечиной. Один из треугольных элементов сточен под углом 90° , другой — под углом около 60° . При этом сохранившийся участок правой стороны гривны расположен с отклонением от вертикали, что показывает нахождение «неправильного» углового элемента именно с правой стороны (рис. 17: 1). Этот же участок в середине продавлен, видимо, предплечьем погребенного, вынесенным грабителями. Была ли изначальная форма правой стороны гривны связана с тем, что на ней размещалась рука человека, неясно. Длина сохранивших свое первоначальное положение секций правой стороны гривны уменьшается кверху, сохранившиеся нижние секции левой стороны по длине соответствуют противоположным секциям правой стороны. В целом из числа найденных секций можно выделить три группы, отличающиеся друг от друга по ширине с шагом 1,5 мм (рис. 18: 9–14, 15–35, 36–56). Примерно так же они отличаются и по длине. Скорее всего, из них и были составлены вертикальные стороны гривны с уменьшением по длине кверху. Еще шесть секций, найденных в заполнении, соответствуют по ширине наибольшей стороне треугольных элементов. Эти секции, очевидно, составляли поперечину. Планиграфические наблюдения показывают, что по ширине между двумя «ветвями»

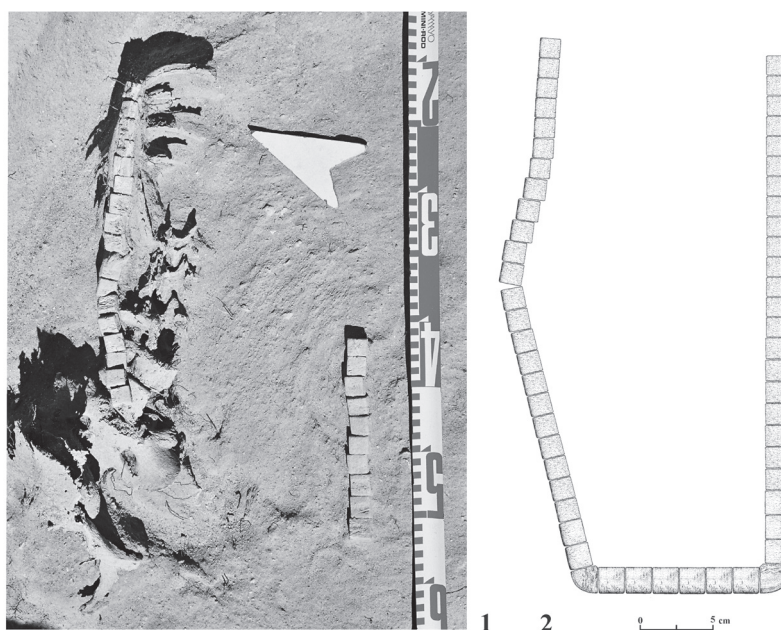

Рис. 17. Составная костяная гривна из погребения в кургане Хух хушооны бом 1/1. 1 — вид на секции in situ; 2 — реконструкция.

Fig. 17. Composite bone necklace from Khukh khushoony bom 1/1 barrow. 1 — elements in situ; 2 — reconstruction.

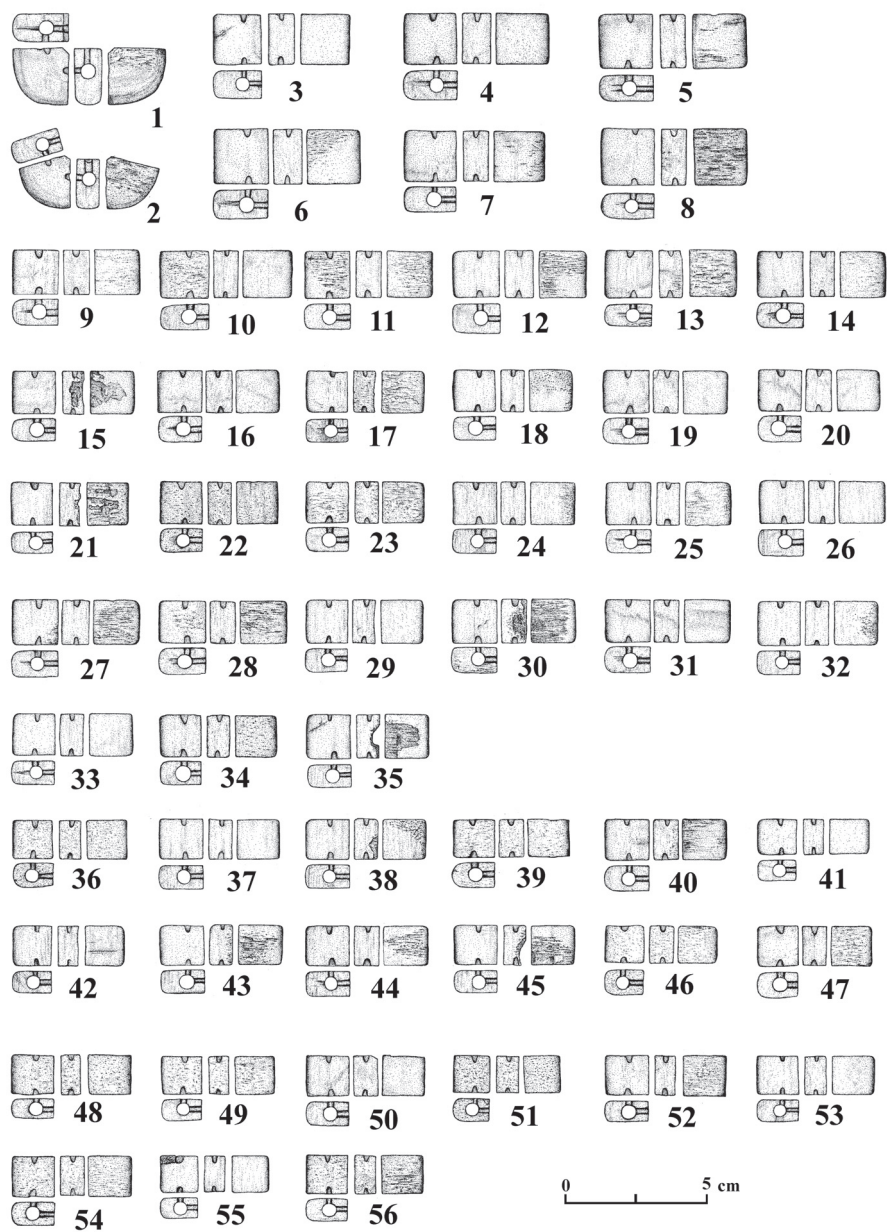

Рис. 18. Курган Хух хушооны бом 1/1. Секции составной костяной гривны.

Fig. 18. Khukh khushoony bom 1/1 barrow. Parts of the composite bone necklace.

гривны умещаются именно шесть таких секций. Если исходить из того, что нами были обнаружены все (или почти все) элементы, а также принять, что верх правой стороны гривны не был разрушен, то можно восстановить ее внешний вид (рис. 17: 2).

Примитивные аналогии этому уникальному предмету обнаруживаются в исключительно раннем контексте на далеком западе Евразии. Костяные пронизи с вырезами (в одной плоскости) были распространены в памятниках энеолита Западной Европы (середина — 2-я половина III тыс. до н. э.). В Восточной Европе низки из таких пронизей зафиксированы в еще более ранних памятниках энеолита Украины, причем данные раскопок показывают, что они составляли сплошную полосу спереди — на груди или на руках (Rassamakin 2004 (Bd. 1): 74–75, Fig. 59: 1–5). В погребении 9 кургана 3 курганной группы 1 у села Булаховка такая полоса была протянута между кистями погребенного поперек таза (Rassamakin 2004 (Bd. 2): табл. 60: 1, 3).

В кургане Цагаан уушиг 3 было найдено 20 целых и около 10 в обломках перламутровых дисковидных нашивок с округлым отверстием по центру (рис. 19). Они были вынесены грызунами из могильной ямы и распределены по всей длине норы тарбагана вплоть до современной поверхности. Диаметр дисков от 15 до 20 мм, диаметр отверстия около 4 мм. У большинства дисков по «перламутровой» стороне прослеживается желобок, заканчивающийся выемкой на краю диска.

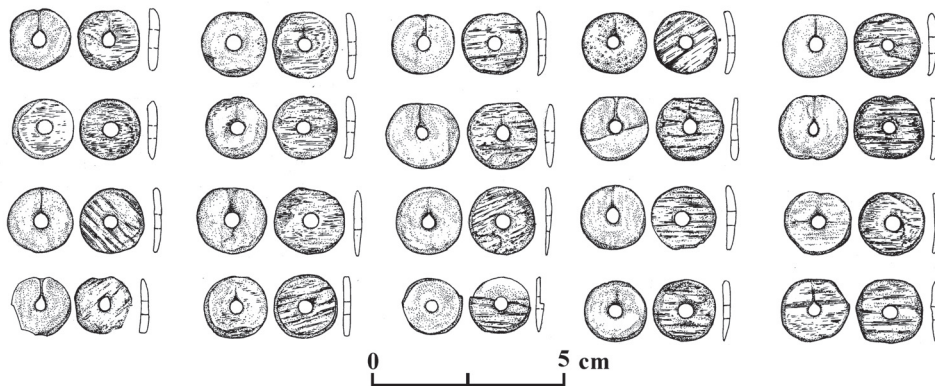

Рис. 19. Курган Цагаан уушиг 3. Перламутровые нашивки.

Fig. 19. Tsagaan uushig 3 barrow. Mother-of-pearl chevrons.

Происхождение этих перламутровых украшений может восходить к местному неолиту типа погребения из Норовлийн уул (Новгородова 1989: 78–81). Недавно такие же нашивки были обнаружены в слое 3 Тавдинского грота на Алтае наряду с керамикой и каменными изделиями позднего этапа среднекатунской поздненеолитической культуры. Здесь были собраны 35 нашивок размерами 9–12 мм в диаметре с крупным отверстием в центре, причем в нескольких

случаях с желобком, идущим от края к центральному отверстию (Кирюшин и др. 2005: 335, рис. 1: 4; Волков и др. 2006; Кирюшин, Семибратов 2012: 122, рис. 1: 11) (рис. 20: 1). Авторы статьи о трасологическом исследовании этих предметов считают желобчатые структуры на поверхности изделий «характерными следами вязки» (Волков и др. 2006: 255). Представляется, образование столь явных следов на нашивках не могло быть только лишь следствием их эксплуатации: скорее всего, линии для пришивания заранее намечались древними мастерами. Перламутровые украшения были собраны по всей толще слоя 3, хотя явно представляют собой один набор. В связи с этим можно предположить намеренное захоронение здесь предмета, украшенного нашивками, которые, в свою очередь, были перемещены грызунами. Кроме того, слой 3 непосредственно был перекрыт слоем 2б, датируемым VII в. до н. э. (Кирюшин, Семибратов 2012: 120), что означает хиатус как минимум в полтора тысячелетия. Предполагать, что грот (культовое место!) вовсе не использовался в это время, рискованно. Таким образом, отнесение тавдинских украшений к эпохе энеолита неоднозначно. Имеется вероятность, что нашивки относятся к периоду существования мунх-хайрханской культуры и являются свидетельством присутствия ее носителей на Алтае.

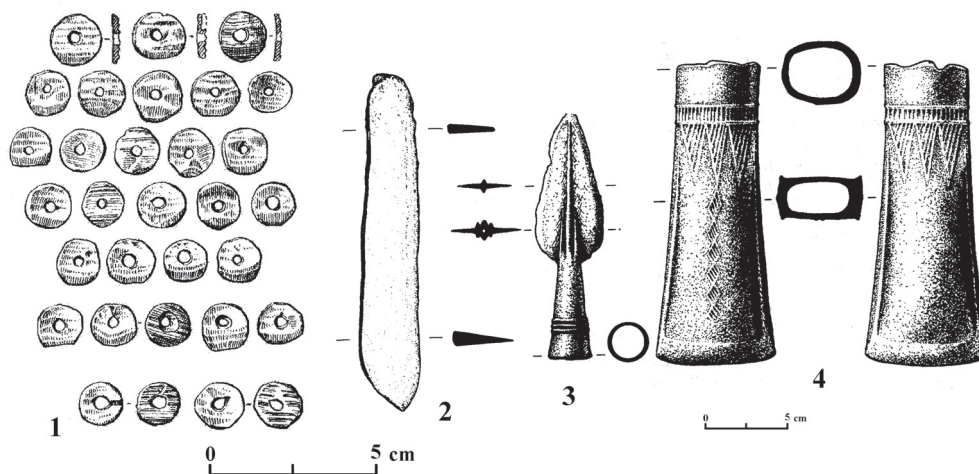

Рис. 20. 1 — перламутровые нашивки из слоя 3 Тавдинского грота (Алтайский край); 2–4 — бронзовые предметы из «клада» в с. Верхняя Мульга (Курагинский район Красноярского края). Ссылки на источники см. в тексте статьи.

Fig. 20. 1 — mother-of-pearl chevrons from level 3 of the Tavdinsky cave (Altay region of Russia); 2–4 — bronze articles from the Verknaya Mulga «hoard» (Kuragino, Krasnoyarsk region of Russia). References are given in the text.

Еще одна находка, относящаяся, по всей видимости, к мунх-хайрханской культуре, была сделана в селе Верхняя Мульга Курагинского района Красноярского края (Леонтьев 2002; 2007). Здесь, в комплексе с типичными сейминско-турбинскими изделиями: кельтом и наконечником копья (рис. 20: 3, 4) найден

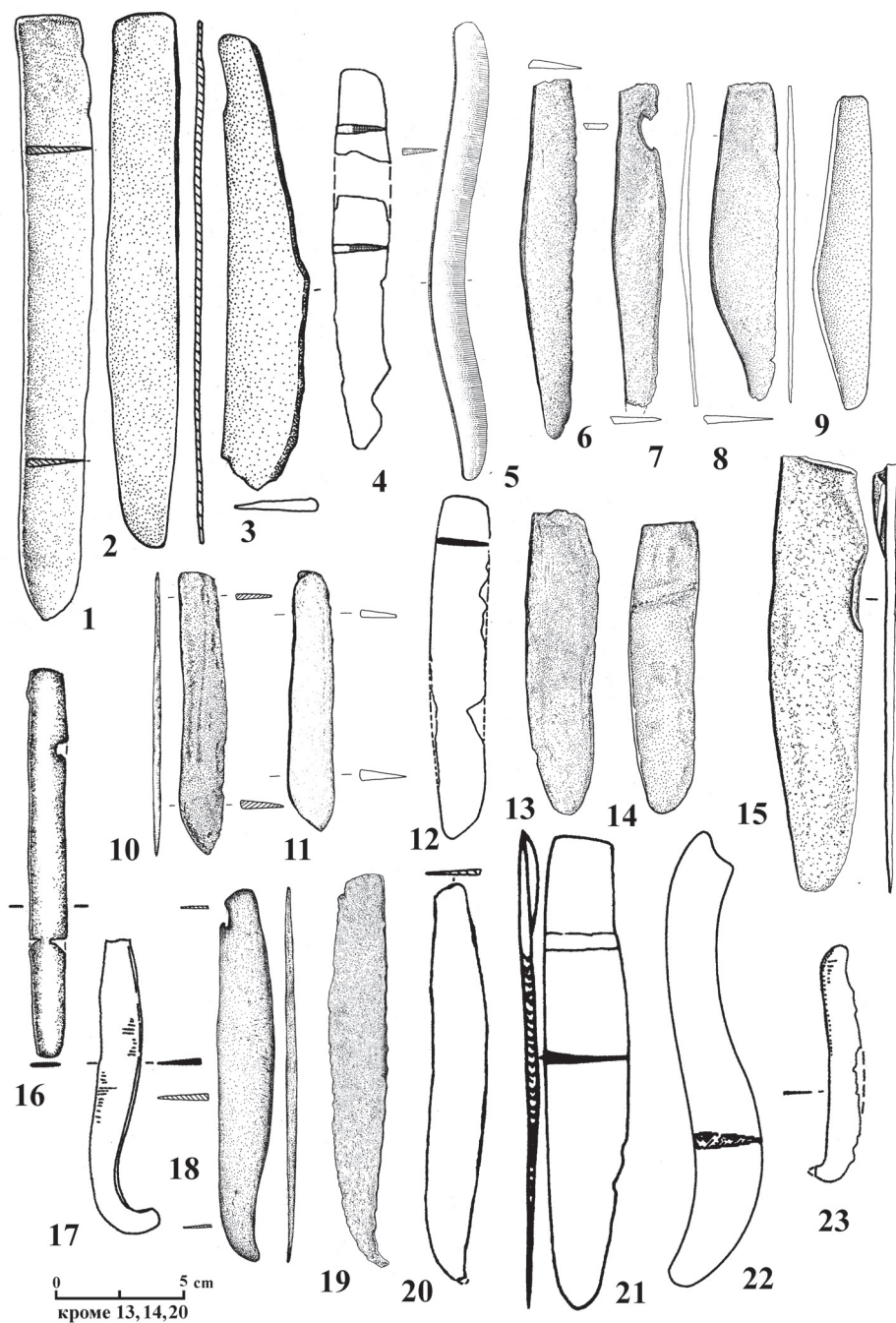
пластинчатый нож, идентичный по форме ножу из кургана Улаан говийн удзуур 1/1, только короче его на один сантиметр (рис. 20: 2). Комплекс из Верхней Мульги, во-первых, подтверждает раннюю (вплоть до XIX–XVIII вв. до н. э.) датировку исследованных мунх-хайрханских памятников Ховда, полученную в результате радиоуглеродного анализа. Во-вторых, находка этого примитивного орудия труда, импорт которого в этот период был маловероятен, в таежном районе Красноярья должна указывать на присутствие здесь или по крайней мере в Саянах носителей мунх-хайрханской культуры.

Однолезвийный нож без выделенного черешка происходит из 7-го слоя стоянки Тоора-Даш в Саянском каньоне Енисея (Семенов 1992: 36–37, табл. 21: 1). Вл. А. Семенов, отнеся седьмой слой Тоора-Даш к позднему этапу окуневской культуры, датировал его, как и аналогичные тувинские памятники, XV–XII вв. до н. э. (Семенов 1992: 84) и даже XIII–XII вв. до н. э. (Семенов 1997: 158). При этом он опирался на прослеженное «андроновское влияние», в частности, на как будто бы аналогии найденным здесь ножам в памятниках федоровской культуры. Выводы Вл. А. Семенова стали основой для представлений о существенном «переживании» окуневской культуры в Туве и ее синхронности с памятниками карасукской культуры (см. напр. Чугунов и др. 2006: 306). Однако изделия с такими признаками не найдены на федоровских памятниках или «хронологически сопоставимых с ними памятниках Западной Сибири», они относятся к петровскому этапу (см. ниже). Тем более, что близость керамики седьмого слоя керамике Черновой VIII, как указывал сам Вл. А. Семенов, «позволяет прийти к заключению о хронологической близости этих комплексов» (Семенов 1997: 158), а окуневская культура Среднего Енисея по комплексу данных радиоуглеродного датирования относится ко 2-й половине III — первым векам II тыс. до н. э. (Поляков, Святко 2009). Так что дата 7-го слоя стоянки Тоора-Даш находится в пределах периода существования мунх-хайрханской культуры.

Обнаруженные в мунх-хайрханских комплексах и в «кладе» из Верхней Мульги ножи (рис. 21: 10, 11, 18) относятся к типу бесчеренковых (пластинчатых и с криволинейной спинкой), происхождение которых Н. А. Аванесова связывает с петровской культурой (Аванесова 1991: 26). В качестве аналогий в петровских памятниках можно привести экземпляры с поселений Кизерское

Рис. 21. Медные и бронзовые бесчеренковые ножи. 1 — Кизерское; 2 — Петровка II; 3 — Конезавод III; 4 — пос. Синташта; 5 — погр. 11 Синташтинского большого грунтового могильника; 6–8 — мог. Сопка-2 (к. 6, п. 3, к. 21, п. 3, к. 15 (насыпь)); 9 — мог. Черноозерье I; 10 — кург. Улаан говийн удзуур 1/1; 11 — «клад» из Верхней Мульги; 12 — Цзунчжай (Цинхай); 13, 14 — мог. Могоу (Ганьсу) (м. 295, м. 208); 15 — пос. Костёноква Избушка; 16 — Джаркутан (Узбекистан); 17, 23 — Кангурттут (Туркмения); 18 — кург. Галбагийн удзуур 1/2; 19 — пос. Канцзятунь (Ляонин); 20 — мог. Тяньшань-бэйлу (Хами); 21 — мог. 80IIIIM2, пос. Эрлитоу; 22 — пос. Чжэнцзяюань (Тяньцзин). Ссылки на источники см. в тексте статьи.

Fig. 21. Copper and bronze stemless knives. 1 — Kizerskoe; 2 — Petrovka II; 3 — Konezavod III; 4 — Sintashta settlement; 5 — Sintashta big burial field, burial 11; 6–8 — Sopka-2 cemetery (barrow 6, burial 3, barrow 21, burial 3, barrow 15 (cairn)); 9 — Chernoozerie I cemetery; 10 — Ulaan goviiin uzuur 1/1 barrow; 11 — Verkhnyaya Mulga «hoard»; 12 — Zongzhai (Qinghai); 13, 14 — Mogou cemetery (Gansu) (burials M295, M208); 15 — Kostenkova Izbushka site; 16 — Dzharkutan (Uzbekistan); 17, 23 — Kangurtut (Turkmenistan); 18 — Galbagiin uzuur 1/2 barrow; 19 — Kangjiatun site (Liaoning); 20 — Tianshanbeilu cemetery (Hami, Xinjiang); 21 — burial 80IIIIM2, Erlitou (Henan); 22 — Zhengjiayuan site (Tianjing). References are given in the text.

и Петровка II (Аванесова 1991: рис. 30: 2, 31: 2), а также с поселения Конезавод III (Евдокимов 1983: рис. 2: 13) (рис. 21: 1–3).

Видимо, наиболее ранние пластинчатые ножи обнаружены в памятниках синташтинской культуры: Большекараганский могильник (кург. 25, погр. 1) (Дегтярева 2010: 101, рис. 43: 3) и на поселении Синташта (Генинг и др. 1992: рис. 41: 17) (рис. 21: 4). Двойковыгнутый бесчеренковый нож обнаружен в погребении 11 Синташтинского большого грунтового могильника (Генинг и др. 1992: рис. 75: 6) (рис. 21: 5). Исходя из данных радиоуглеродного датирования синташтинской и петровской культур (Чечушков, Епимахов 2010: 193–194), бесчеренковые ножи Южного Зауралья и Северного Казахстана могут датироваться XX–XVIII вв. до н. э.

Серия бесчеренковых ножей с криволинейной спинкой происходит из кротовских погребений могильника Сопка-2 (Молодин 1985: рис. 30: 8–10), а также из могильника Черноозерье I (Аванесова 1991: рис. 32: 4, 5), обнаруживающего глубокие связи с кротовской культурой (Стефанова, Стефанов 2007: 90) (рис. 21: 6–9). Датировка (поздне-)кротовских памятников укладывается в XIX–XVII вв. до н. э. (Молодин и др. 2011: 251).

Похожее изделие найдено на поселении Костёноква Избушка в Барнаульском Приобье в неясном стратиграфическом положении совместно с елунинской керамикой и кротовскими костяными наконечниками стрел (Кирюшин 2002: рис. 57–58, 142–143) (рис. 21: 15). Этот нож имеет большое сходство также с бронзовыми ножами культуры Цицзя (см. ниже).

Пластинчатые бесчеренковые ножи появляются в 1-й четверти II тыс. до н. э. («доандроновское» время) в Средней Азии, что следует из факта находки такого предмета в соответствующем слое жилого квартала Джаркутана (Аванесова 2010: рис. 4: 2) (рис. 21: 16). Наиболее поздние находки бесчеренковых ножей с оттянутым кончиком, аналогичных находке из комплекса Галбагийн удзуур 1/2, происходят с поселения Кангурттут (Юго-Западный Таджикистан) (Виноградова и др. 2008: рис. 41: 4, 5) (рис. 21: 17, 23); полученные из слоя этого поселения радиоуглеродные даты соответствуют датам мунх-хайрханской культуры (калиброванные даты даны с вероятностью 95,4 %, программа калибровки OxCal 3.9): Gif-8414: 3150 ± 60 BP (1601–1266 CalBC); GIN-9479: 3330 ± 110 BP (1900–1404 CalBC); GIN-9480: 3800 ± 160 BP (2840–1773 CalBC).

В Синьцзяне бесчеренковый нож, схожий с находкой из мунх-хайрханского комплекса Галбагийн удзуур 2, обнаружен в одном из погребений могильника Тяньшаньбэйлу (город Хами) (Лю Эньго и др. 2001: рис. 16: 6) (рис. 21: 20). К сожалению, эта находка опубликована вне контекста.

Нож с еле выделенным черенком, судя по опубликованному рисунку и описанию имеющий треугольное сечение по всей длине, был обнаружен в Эрлитоу в одной могиле (IIIМ2) с вышеописанным ножом-кинжалом сейминско-турбинского облика (Чжунго шэхуй кэсюэюань... 1983: 201–202, рис. 10: 8) (рис. 21: 21); как уже говорилось, по данным радиоуглеродного датирования слоя комплекс относится к XVII — началу XVI в. (Чжунго каогусюэ... 2003: 81). На памятниках культуры Эрлитоу, так же как и на памятниках синхронной ей культуры Юэши (Шаньдун), во множестве найдены оригинальные бесчеренковые ножи подтреугольной формы (с сильно выгнутым лезвием и оттянутым кончиком),

представляющие, видимо, развитие той же традиции (Чжунго цзао ци... 2008: рис. 10: 15–25, 20: 1–3).

В памятниках среднего периода культуры нижнего слоя Сяцзядянь (район гор Яньшань и Западный Ляонин), в целом совпадающего по времени с культурой Эрлитоу (XIX–XVI вв. до н. э.) (Чжунго каогусюэ... 2003: 601), обнаружены несколько бесчеренковых ножей, из которых один, найденный в четвертом слое поселения Канцзятунь (городской округ Бэйпяо, Ляонин) (Ляонин шэн... 2001: 43; Ляохэ вэньмин 2006: 42) (рис. 21: 19), представляет наиболее полную аналогию находке из комплекса Галбагийн удзуур 1/2, а второй, найденный в четвертом слое поселения Чжэнцзяюань (уезд Цзисянь, Тяньцзин) (Чжунго цзао ци... 2008: рис. 21: 18) (рис. 21: 22), находит неожиданное сходство в двояковыгнутом изделии из погр. 11 Синташтинского большого грунтового могильника (см. рис. 21: 5).

Серия бесчеренковых ножей обнаружена на памятниках культуры Цицзя в Цинхае и Ганьсу, скорее всего одновременных эрлитоуским: схожий по пропорциям с ножом из Улаан говийн удзуур 1/1 предмет происходит из могилы 57 мог. Цзунчжай (национальный уезд Хучжуту, Цинхай) (Цинхай шэн... 1986, с. 314); как минимум два похожих ножа с еле намеченной черешковой частью обнаружены в могильнике Могоу (уезд Линьтань, Ганьсу): в могиле M295 (Ганьсу Линьтань Чэньци... 2008: 45) и в могиле M208 (Ганьсу шэн вэньу каогу... 2009: 12) (рис. 21: 12–14). Исключительно близкий по форме нож был найден золотоискателями на территории Дзамар сомона Центрального аймака Монголии (нож приобретен в июне 2014 г. А. А. Ковалёвым в антикварном магазине в Улан-Баторе и передан в музей Улан-Баторского университета) (рис. 22). Скорее всего, этот нож относится к мунх-хайрханской культуре. Эта находка делает еще более вероятным предположение о влиянии мунх-хайрханцев на культуры Севера и Северо-Запада Китая. Ножи культуры Цицзя имеют явное сходство с ножом из Костёнковой Избушки (рис. 21: 15). Кстати, в связи с этими находками тем более абсурдным представляется вывод раскопщиков

Рис. 22. Бронзовый бесчеренковый нож, найденный в Дзамар сомоне Центрального аймака Монголии (передан в музей Улан-Баторского университета).

Fig. 22. Bronze stemless knife found in Zaamaar sum, Tuv aimag, Mongolia (now stored in the Ulaanbaatar University Museum).

поселения Линьцзя (Ганьсу) об отнесении обнаруженного в культурном слое памятника схожего однолезвийного ножа с выделенным черенком к неолитической культуре Мацзяяо, датирующейся серединой III тыс. до н. э. (Ганьсу шэн вэнь... 1984: 125); скорее всего, экстраординарный для неолита Китая нож входил в состав погребального инвентаря не прослеженного при раскопках погребения культуры Цицзя, впущенного в более ранний слой.

Приведенные данные позволяют выдвинуть предположение о формировании мунх-хайрханской традиции металлообработки под влиянием культур развитой бронзы Западной Сибири. С другой стороны, вероятной становится транзитная роль мунх-хайрханской культуры в передаче культурных инноваций из Западной Сибири и Степного Алтая на Центральную Равнину и окружающие ее территории. По сообщению Дж. Роусон, над некоторыми могилами позднего этапа культуры Цицзя в могильнике Могоу зафиксированы каменные дисковидные насыпи в один слой. Эти материалы еще не опубликованы, но если сообщение Дж. Роусон соответствует действительности, то наличие таких конструкций может указывать на проникновение носителей мунх-хайрханской культуры в Ганьсу в XVII–XVI веках до н. э.

Литература

- Аванесова Н. А.* 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан.
- Аванесова Н. А.* 2011. Зеравшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // Кожин П. М., Косарев М. Ф., Дубова Н. А. (ред.). На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб.: Алетейя, 334–364.
- Виноградова Н. М., Ранов В. А., Филимонова Т. Г.* 2008. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). М.: ИВ РАН.
- Волков П. В., Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю., Семибратов В. П.* 2006. Трасологическое исследование перламутровых «бусин» из материалов Тавдинского грота // Современные проблемы археологии России. Т.1. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии РАН, 253–255.
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В.* 1992. Синташта: археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во.
- Дегтярева А. Д.* 2010. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука.
- Евдокимов В. В.* 1983. Хронология и периодизация памятников Кустанайского Притоболья // Зданович Г. Б. (ред.). Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башкирского ун-та, 35–47.
- Кирюшин К. Ю., Семибратов В. П.* 2012. Хронология, периодизация и культурная принадлежность материалов третьего слоя Тавдинского грота // Вестник Алтайского государственного университета 4 (1), 119–129.
- Кирюшин Ю. Ф.* 2002. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.
- Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю., Семибратов В. П.* 2005. Исследования Тавдинского грота в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Ч. 1. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 333–338.

- Ковалев А. А. 2002. О происхождении комплекса форм бронзовых лезвийных изделий Древнего Китая (эпохи Ся-Шан) // Пиотровский Ю. Ю. (ред.). Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. I. СПб.: ГЭ, 158–164.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. 2007. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // Невинский В. В., Тишкин А. А. (ред.). Алтае-Саянская горная страна и история ее освоения кочевниками. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 80–85.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. 2010а. Ранний и средний периоды бронзового века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 89–103.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. 2010б. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 104–117.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г. И., Бурова Н. Д. 2008. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центральноазиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочения памятников бронзового века Центральной Азии // Тишкин А. А. (ред.). Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 172–186.
- Леонтьев С. Н. 2002. К вопросу о сейминско-турбинской культуре на Среднем Енисее // Пиотровский Ю. Ю. (ред.). Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. 1. СПб.: ГЭ, 181–183.
- Леонтьев С. Н. 2007. «Клад» бронз сейминско-турбинского типа из деревни Верхняя Мульга (юг Красноярского края) // РА 3, 141–143.
- Молодин В. И. 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука.
- Молодин В. И., Марченко Ж. В., Гришин А. Е. 2011. Радиоуглеродная хронология позднекротовских и андроновских (фedorовских) памятников центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород — Старая Русса. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород, 251–252.
- Новгородова Э. А. 1989. Древняя Монголия. М.: Наука.
- Поляков А. В., Святко С. В. 2009. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 20–56.
- Семенов Вл. А. 1992. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб.: ЛНИАО.
- Семенов Вл. А. 1997. Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: ПетроРИФ, 152–160.
- Стефанова Н. К., Стефанов В. И. 2007. О поселении Черноозерье VI, исследованных на его площади захоронениях и некоторых проблемах среднеиртышской археологии периода доандроновской бронзы // Вохменцев М. П. (ред.). Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. К 70-летию Т. М. Потемкиной. Курган: Изд-во Курганского ун-та, 84–94.

- Чечушков И. В., Епимахов А. В. 2010. Колесничный комплекс урало-казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 182–229.
- Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г. 2006. Аржан-2: материалы эпохи бронзы // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.). Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 303–311.
- Kovalev A. A., Erdenebaatar D. 2009. Discovery of New Cultures of the Bronze Age in Mongolia according to the Data obtained by the International Central Asian Archaeological Expedition // Bemmman J., Parzinger H., Pohl E., Tseveendorzh D. (eds.). Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelm-Universität, 149–170.
- Rassamakin Yu. 2004. Die nordpontische Steppe in der Kurferzeit. Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. Teil I-II. Mainz: von Zabern.
- Ганьсу шэн вэньу гунцзо янь, Линься хуйцзу цзычжи чжоу вэньхуа цю, Дунсян цзу цзычжи сян вэньхуа гуань (Рабочая бригада культурного наследия провинции Ганьсу, Бюро культуры национального (хуэй) автономного округа Линься, Управление культуры национального автономного уезда Дунсян) 1984. Ганьсу Дунсян Линьцзя ичжи фацзюэ баогао (Отчет о раскопках поселения Линьцзя в уезде Дунсян, Ганьсу) // Каогусюэ цзикань 4, 111–161.
- Ганьсу шэн вэньу каогу яньцзюсо, Сибэй дасюэ вэньхуа ичан ю каогусюэ яньцзю чжунси (Институт культурного наследия и археологии провинции Ганьсу, Научно-исследовательский центр культурного наследия и археологии Северо-Западного университета) 2009. Ганьсу Линьтань сян Могоу Цицзя вэньхуа муди (Могильник культуры Цицзя в Могоу, уезд Линьтань, Ганьсу) // Каогу (7), 10–17.
- Ганьсу Линьтань Чэньци Могоу Цицзя, Сыва вэньхуа муцзан фацзюэ (Раскопки могил культур Цицзя и Сыва в Могоу, Чэньци в уезде Линьтань, Ганьсу) 2008 // 2008 Чжунго чжуньяо каогу фасянь (Важнейшие археологические открытия в Китае 2008 года). Пекин, 43–45.
- Кэваллефу А. А., Ээрдэнебатаэр Д. 2009. Мэнгу цинтун шидай вэньхуа синь фасянь (Новые открытия культур бронзового века Монголии) // Бяньцзян каогу яньцзю 8, 246–279.
- Ляонин шэн вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии провинции Ляонин) 2001. Ляонин Бэйпяо ши Канцзятунь чэнчжи фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках поселения Канцзятунь, городской округ Бэйпяо, Ляонин) // Каогу (8), 31–44.
- Ляохэ вэньмин чжань. Вэньу цзицуй. (Выставка «Культура Ляохэ». Выбранные памятники культуры.) 2006 / Ляонин шэн боугуань, Ляонин шэн вэньу каогу яньцзюсо (Музей провинции Ляонин, Институт культурного наследия и археологии провинции Ляонин). Б/м.
- Лю Эньго, Чан Сиэнь, Ван Бинхуа. 2001. Синьцзян цинтунци шидай каогу вэньхуа цян лунь (Поверхностное рассмотрение культур бронзового века Синьцзяна) // Су Бинци юй дандай Чжунго каогусюэ (Су Бинци и современная китайская археологическая наука). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 172–193.
- Цинхай шэн вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии провинции Цинхай) 1983. Цинхай Хучжуту цзуцзычжи сян Цзунчжай Мачан, Цицзя, Синьдянь вэньхуа муцзан (Могилы культур Мачан, Цицзя, Синьдянь в Цзунчжай, национальный автономный уезд Хучжуту, Цинхай) // Каогу (3), 306–317.
- Чжунго каогусюэ. Ся Шан цзюань (Археология Китая. Раздел Ся-Шан) 2003 / Ян Сичжан, Гао Вэй чжубянь; Чжунго шэхуй кэсюэюань Каогу яньцзюсо бяньчжу (Ян

- Сичжан, Гао Вэй — ред. Институт археологии Академии общественных наук Китая — сост.). Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ.
- Чжунго цзао ци цинтун вэньхуа: Эрлитоу вэньхуа чжуаньти яньцзю* (Китайская культура бронзы раннего периода: специальное исследование культуры Эрлитоу) 2008 / Чжунго шэхуй кэсюэюань Каогу яньцзюсо собянь (Институт археологии Академии общественных наук Китая — сост.). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ.
- Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо Эрлитоу дуй* (Эрлитоуская экспедиция Института археологии Китайской академии общественных наук) 1983. 1980 нянь чунь Хэнань Яньши Эрлитоу ичжи фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках памятника Эрлитоу в Яньши, провинция Хэнань, весной 1980 года) // Каогу (3), 199–219.